

Ничик Н. Н.

Старославянский язык в истории русского литературного языка.

Одной из определяющих категорий истории русского литературного языка как историко-лингвистической дисциплины является **языковая система**. Употребление языка осуществляется в определенных исторических и социальных условиях — « в связи с политическим и экономическим развитием общества, с развитием просвещения, культуры и литературы» [1, 77]. Специфической особенностью языковой ситуации X—XVII вв. является сосуществование и взаимодействие двух языков — старославянского, с его высоким уровнем языковой и стилистической обработанности и идеологической насыщенностью, и древнерусского, «неисключающего, но предполагающего богатство его ресурсов и разнообразие манер литературного выражения» [1, 92]. Эту идею, высказанную А. И. Соболевским [2], поддерживали и развивали, с большими или меньшими отличиями, А. А. Алексеев [3, 3—11], В. В. Виноградов [4, 60—62], А. И. Горшков [1, 82—97], Д. С. Лихачев [5, 303], Н. А. Мещерский [6, 40—42], Ф. И. Филин [7, 258—260] и др. Взаимодействие старославянского / церковнославянского и русского литературного языков было различным, но неизменным на всех этапах истории русского литературного языка, включая и современный период его развития.

1. Период Крещения Киевской Руси еще А. И. Соболевским было определен как **Первое южнорусское влияние**, поскольку вместе с алфавитом и письменностью на старославянском языке — одном из диалектов древнеболгарского языка, обработанного Св. равноап. Кириллом и Мефодием, — пришла большая византийская литература. Возникают переводческие школы Киева и Новгорода, которые использовали старославянский язык русской (восточнославянской) редакции и сложившийся под его влиянием книжно-славянский тип древнерусского литературно-письменного языка. Главное для этого периода — формирование христианского мировоззрения, старославянский язык является основным носителем новой идеологии, и потому его значение для языковой и социо-культурной ситуации может быть определено как **цивилизационное**, т. к. свидетельствовало о переходе восточного славянства из язычества в христианство. По мнению иг. Иоанна Экономцева, православного богослова и историка, «религиозная общность является неизменным,

основополагающим элементом формирования этноса, духовной “закваской” этногенеза» [8, 150—151]. Приход новой идеологической системы, способствовавшей расцвету письменности, образования и культуры Киевского государства, определен им как **Первое Возрождение** [9, 188—189]. Отмечая условность термина «первое южнорусское влияние», Б. А. Успенский подчеркивает его византийскую направленность: «— Усвоение южнославянской книжной традиции было обусловлено не столько культурной (или церковно-политической) ориентацией на Болгарию, сколько ролью южных славян как проводников греческого культурного влияния. — Южные славяне играли вспомогательную, посредническую, но не самостоятельную роль: ориентация была греческой, письменность — болгарской» [10, 41]. Высокие образцы древнерусского словесного искусства становятся известными там, откуда пришел старославянский / церковнославянский язык. Как свидетельствует Д. С. Лихачев, «можно говорить об огромном “вывозе” из Киевской Руси — созданных там памятников и рукописей. Сочинения Кирилла Туровского распространялись в рукописях по всему юго-востоку Европы наряду с сочинениями отцов церкви. — Давно отмечено влияние такого русского памятника XI в., как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в Сербии и на Афоне» [11, 8—9].

2. Распад Киевского государства вследствие феодальной раздробленности, культурны и экономический спад, вызванный татаро-монгольским нашествием, завершается формированием Московского княжества / Московского государства, великорусской народности и великорусского языка. Складывается новый тип художественной и языковой культуры — эмоционально просветленный, изысканно-утонченный, духовно возвышенный, богословскую основу которого составлял исихазм как высшее достижение византийской духовности. «...Изощренный стиль “извития и плетения словес”, возникший и распространявшийся на Балканах в XIV и XV вв., развивался не без русского воздействия и именно в России достиг своего наивысшего расцвета» [11, 9]. **Второе южнославянское влияние**, по терминологии А. И. Соболевского, имело глубокие корни: а) вторичный приход византизма — влияние богословия Григория Паламы, исихастский поиск “внутреннего человека”, б) обращение к культурным и духовным истокам — наследию Киевской Руси [2, 147—158]. Б. А. Успенский объясняет связь южнославянского и греческого влияния тем, что «возрождение церковнославянского языка органически объединяется в русском культурном сознании с ренессансом православной идеологии» [10, 280]. Неслучайно игумен Иоанн Экономцев возражает Д. С. Лихачеву,

определившему этот период как Предвозрождение: «Духовный и культурный подъем в Восточной Европе был настоящим, полным и безусловным **Возрождением**, которое принципиальным образом отличалось от Возрождения западного и переродиться в западный Ренессанс оно не могло» [9, 188]. Русское Возрождение, по сравнению с западноевропейским, имело иную направленность: западноевропейское Возрождение было по своей идеологической сущности **антропоцентрическим**, т. к. определяло человека как носителя высших ценностей, обращаясь за доказательствами к античной философии, культуре и литературе; русское Возрождение XIV—XV (XVI) вв. имело теоцентрический характер, т. к. в его основе лежало обращение к византийскому, южнославянскому и древнерусскому православному наследию. Второе южнославянское влияние и **Второе Возрождение** (последовательность — от иг. Иоанна Экономцева) накладывались на процесс формирования психологического облика и языка великорусской народности и потому имело **ментальное значение**.

Укрепление и развитие просвещения — характерная примета этого периода. По почину Московского митрополита Киприана предпринята «правка книг церковных», которую продолжил Киевский митрополит Григорий Цамблак, составитель житий и переписчик, инок Троице-Сергиевой лавры Пахомий Логофет. Архиепископ Новгородский Геннадий с группой справщиков переводит, редактирует и впервые в России собирает в единое целое книги Св. Писания. Несколько позже Московский митрополит Макарий предпринимает капитальный труд: — собирает, редактирует и составляет жития общеславянских, византийских и русских святых — Минеи-Четии. По завершении этого периода, как свидетельствует А. И. Соболевский, «русская литература оказалась увеличившейся почти вдвое и — вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам» [2, 158].

3. **Третье южнославянское влияние**, отмеченное как таковое Б. А. Успенским [10, 411—428], охватывает период конца / середины XVII — начала XVIII в. — время сложения русской нации и русского национального языка. Оно связано с южнозападнорусской богословской и филологической школой и открывается “книжной справой”, предварявшей церковные реформы патриарха Никона. “Книжная справа” велась по греческому образцу выходцами из Киева, воспитанниками Киево-Могилянской Академии — Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским, Дамаскиным Птицким и др., замечательными знатоками книжного дела и церковных уставов. Вместе с тем носителями образованности и просвещения нередко оказывались люди,

в которых, по слову прот. Георгия Флоровского, «не раз обнаруживалась ... беспокойная связь “греческого” и “латинского”» [12, 64]. А некоторых из них даже современники называли “латинствующими” — таковы Паисий Лигарид, Симеон Полоцкий, основоположник русского стихосложения и выразитель идей барокко. Открывшаяся Славяно-греко-латинская школа (1687 г., впоследствии — Академия) — первое высшее духовное заведение с систематически организованным духовным и филологическим образованием, которое к концу XVII в. приобретает латинофильский характер [12, 81]. Филологическая направленность Третьего южнославянского влияния дает возможность определить его как **просветительское**, а его латинизированный и западноевропейский оттенок делает его **Просвещенческим**. Как оценивает этот период прот. Георгий Флоровский, «не следует уменьшать объем и значимость ученых и даже учебных достижений... Во всяком случае это был очень важный культурно-богословский опыт» [12, 114].

На Третье южнославянское влияние накладываются реформы Петра Великого, которые внесли в **теоцентрическое** православное мировоззрение **антропоцентрический** оттенок, т. е. идеалом Петровского времени был активный государственный прагматического типа. **Процесс секуляризации** в культурной жизни и в области просвещения (введение так наз. “гражданского” алфавита, латинизация преподавания в церковных школах), казалось, отодвигают православные ценности на второй план. Но именно в это время, середины — конец XVIII в., происходит возрождение монашества и подъем духовной жизни, отмеченное трудами и духовными подвигами церковных писателей Паисия Величковского и Тихона Задонского — признаки **Третьего Возрождения**, по мнению иг. Иоанна Экономцева. Формируется конфессиональный стиль русского литературного языка, цель которого — богомыслие и богопознание и истоки которого могут быть обнаружены на более ранних этапах. «Так на рассеяние Просветительского века Церковь отвечает собиранием духа» [12, 123].

4. Русский литературный язык XIX в., основоположником которого является А. С. Пушкин, бурно развивается в контексте различных литературных школ, направлений и идеологических течений. Развитие и совершенствование конфессионального стиля определяется трудами митрополита Московского Филарета, епископа Северокавказского Игнатия Брянчанинова. Формирование и расцвет русского богословия, источником которого является сакральные тексты на церковнославянском языке, представленного в произведениях А. Н. Голубинского, А. С. Хомякова, Вл. Соловьева, прот. Сергия Булгакова, св. прав. Иоанн Кронштадтского, митр. Антония Храповицкого и др. происходит параллельно с художественными

открытиями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского. **Четвертое**, по нашему мнению, **церковнославянское влияние** этого периода, питаемое византийской исихастской традицией и богословием XVIII в. (Паисий Величковский, Тихон Задонский), сочеталось с **Четвертым**, по иг. Иоанну Экономцеву, **Возрождением** русской духовности: «Протагонисты новой эпохи — старец Амвросий и Достоевский. ... Происходит памятная историческая встреча, лицом к лицу, исихазма и русской светской культуры» [9, 192]. Развитие языковой системы и языкового сознания стало основой расцвета филологии — от трактатов М. В. Ломоносова и В. И. Буслаева до трудов А. А. Шахматова и Я. В. Грота. Традиционно периодизация истории русского литературного языка XIX в. определялась «этапами национально-освободительного движения», однако, по нашему мнению, внутренняя сущность противостояния “левых” движений и традиционных православных ценностей сводится к противостоянию антропоцентричного и теоцентричного осознания реальной действительности. Историческая катастрофа 1917 г. свидетельствует не о поражении теоцентризма, а скорее о сложности выбора.

5. Развитие русского литературного языка XX в. продолжает традиции XIX в.: взаимодействие с живой разговорной стихией, лексические миграции (из русского языка и в русский язык), диалектные и просторечные включения. Не прервалась связь со старославянским языком, хотя она стала подспудной, “подтекстной”. Попытки уничтожения Церкви, сужение и сокращение сферы реализации конфессионального стиля не изменили главного: старославянский / церковнославянский язык оставался носителем православного мировоззрения, животворящим источником духовности. Русская культура и литература в 60—90-е годы переживает свое **Пятое Возрождение**, а старославянский / церковнославянский язык в пятый раз оказывает свое освящающее воздействие на русский язык, культуру, литературу, просвещение. На нем продолжается живое творчество: составляются акафисты, тропари и кондаки святым новомученикам и страстотерпцам XX в., создан «Чин Тысячелетия Крещения Руси» и т. д. Развивается конфессиональный стиль русского языка в трудах священника Павла Флоренского, прот. Георгия Флоровского, митрополита Антония Сурожского, протодиакона Андрея Кураева и др. Церковнославянский язык включен в программу многих современных школ, гимназий и лицеев, расширяя и углубляя филологические духовные представления учащихся, направляя их поиск “внутреннего человека”.

Переживший тысячелетнюю историю старославянский / церковнославянский язык неотделим от жизни русского слова — истории русского литературного

языка, русской литературы и культуры. Его продолжающееся активное воздействие на русский язык проявляется не только в возрождении ранее изгнанных слов сакрального содержания, не только в обогащении словарного состава церковнославянизмами, а текстов — аллюзиями и реминисценциями из церковных текстов, но и в усложнении системы функциональных стилей формированиями и развитием конфессионального стиля, признание которого позволит ввести в оборот научного исследования колоссальный языковой материал, сохранивший красоту и идеологическую высоту русского слова и потому имеющий национальную значимость. Церковнославянский язык как носитель духовных православных ценностей неотделим в своем творческом бытии от истории русского языка не только в прошлом, но и в настоящем и будущем. И в этом органическом синтезе — неиссякаемый творческий потенциал и духовное значение русского языка, русской литературы и культуры.

Литература.

1. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. — М.: Наука, 1983. — С. 160.
2. Соболевский А. И. История русского литературного языка. — М.: Наука, 1980. — С. 194.
3. Алексеев А. А. Почему в Древней Руси не было диглоссии? // Литературный язык Древней Руси / Проблемы исторического языкознания. — Вып. 3. — Л.: ЛГУ, 1986. — С. 3—11.
4. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — М.: Наука, 1958.
5. Лихачев Д. С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке древней Руси // Историко-филологические исследования. — М.: Наука, 1967.
6. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 279.
7. Филин Ф. П. Истоки и судьба русского литературного языка. — М.: Наука, 1981.
8. Экономцев Иоанн, игумен. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (к анализу церковной реформы Петра I) // Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. — М.: «Христианская литература», 1992. — С. 143—166.
9. Экономцев Иоанн, игумен. Исихазм и Возрождение. Исихазм и проблема творчества // Там же. — С. 167—196.

10. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). — М.: Аспект, 2002. — С. 560.
11. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979.
12. Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Изд. 3-е. — YMCA-PRESS, Paris, 1983. (Киев: «Путь к истине», 1991). — С. 600.